

Педагогические мечты о прошлом в трагедиях Эсхила, Еврипида и Софокла об Этеокле и Полинике: парадоксы братской ненависти¹

В.К. Личугина

*Никогда до сих пор,
До сих пор никогда
Братьев в больший раздор
Не ввергала беда.
Говорят, ни один,
Ни один, говорят,
Брату больших кручин
Не замысливал брат².*

Трагедии Эсхила «Семеро против Фив», Еврипида «Финикиянки» и Софокла «Антигона» сопоставлены с точки зрения представлений о роли и миссии образования в условиях войны и мира. В изображении драматургов-классиков Фивы являются городом, где снаружи происходит военное, а внутри – интеллектуальное противостояние. Умные и благородные оказываются с глупыми и заблуждающимися то по одну, то по разные стороны баррикад как в прямом, так и в переносном смысле. Эсхил, Еврипид и Софокл связывают происходящее с городом с его происхождением, в том числе, чтобы иметь возможность навести педагогические мосты между прошлым, настоящим и будущим. Каждая трагедия представляет собой отличный от других сюжет, где в той или иной мере присутствует архаичная схема из семи пар противоположных по качествам воинов, стоящих в семи воротах. Трагедии отличаются тем, что герои выбирают разные линии защиты города, оказавшегося под угрозой разрушения из-за противостояния сыновей. Деяния Этеокла и Полиника одними героями оцениваются как наказание для города за его тягостное прошлое, а другими – как наставление во имя лучшего будущего. Представители разных поколений и социальных слоев с педагогическим умыслом обращаются к мифу об основании города, мечтая о том, как хорошо было бы не допустить такого бедственного положения. Фивы в представлении драматургов-классиков то являются

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Воспитание театром и в театре: античная педагогика сцены» № 17-36-01006

² Шичалин Ю.А. Полиник: школьная драма в трёх действиях, с эпилогом и двумя хорами // «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина [Эл. ресурс] http://www.mgl.ru/library/6/Shichalin_Polinic.html

городом, сужающимся до отдельно взятой уникальной семьи с особой педагогической для домашних, то расширяются до универсального сообщества граждан, которых наставляет правитель путем мудрой силы или сильной мудрости. Этот «пульсирующий» город существует в трагическом круге: кровавые победы в прошлом ничему не научили тех, кто жаждет новых и новых жертв в настоящем, что настраивает на особый тип педагогических мечтаний о будущем.

The tragedies of Aeschylus "The Seven Against Thebes", Euripides "The Phoenician" and Sophocles "Antigone" are compared in terms of ideas about the role and mission of education in war and peace. As depicted by the classic playwrights, Thebes is a city where the military takes place outside, and inside is an intellectual confrontation. The clever and the noble are found on one or on the opposite sides of the barricades together with the stupid and misguided sometimes both literally and figuratively. Aeschylus, Euripides, and Sophocles associate what is happening to the city with its origins, in order to be able to build pedagogical bridges between the past, the present and the future. Each tragedy is a different story, which in one way or another represents an archaic scheme of seven pairs of opposite warriors standing in seven gates. The tragedies are different in that the heroes choose different lines of defense of the city, which was threatened with destruction because of the confrontation of their sons. The acts of the Eteocles and Polynices are regarded by some heroes as punishment for the city for its painful past, and by others – as an instruction for a better future. With pedagogical intent, representatives of different generations and social layers turn to the myth of the city foundation, dreaming of how good it would have been to prevent such a plight. Thebes, in the view of the classic playwrights, is a city either narrowed down to a single unique family with a special pedagogy for the home, or expanding to a universal community of citizens who are instructed by its ruler through a wise power or a strong wisdom. This "pulsing" city exists in a tragic circle: the bloody victories of the past have not taught anything to those who crave for new and new victims in the present, thus setting for a special type of pedagogical dreams about the future.

Одним из любимых сюжетов античных драматургов было изображение царя Эдипа и его близких, прошедших через множество жизненных испытаний. Драматурги последующих эпох, не обходя вниманием старшее поколение действующих лиц (Эдипа, Креонта и Иокасту), отдавали предпочтение трагичности существования молодых героев (Этеокла, Полиника, Антигоны и Исмены). Французский драматург XVII в. Жан-Батист Расин создает трагедию «Фиваида, или Братья-враги», французский и немецкий драматурги XX в. Ж. Ануй и Б. Брехт – пьесы «Антигона», современный филолог-классик Ю.А. Шичалин – школьную драму «Полиник», фрагмент которой и стал эпиграфом к данной статье. Этот перечень может быть продолжен, но его истоки лежат в древнегреческих трагедиях Эсхила,

Еврипида и Софокла, которым удалось акцентировать внимание на сложности отношений между детьми Эдипа¹.

Сюжетные особенности позволяют мужской и женской линиям трагедий разных авторов то переплетаться, то существовать относительно независимо друг от друга. Если попытаться охарактеризовать отношения между дочерьми Эдипа – Антигоной и Исменой – то их наиболее четко определил Б. Хониг, назвав их заговорщицами, которых отличает «жертвенность», «сестринство» и «честная прямота»². Относительно сыновей Эдипа – Этеокла и Полиника – все не так однозначно и, скорее, даже прямо противоположно, поскольку они склонны к кровожадности, братоненавистничеству и хитрому обману. Гомер в «Илиаде» характеризует Этеокла и Полиника в самых общих чертах: «божественный» Полиник собрал рать, покусившись на «священные фивские стены» (Ном. II. IV.376–7), за которыми «в царском доме» восседал сильный Этеокл (Ном. II. IV.386)³. Некоторая нейтральность Гомера при описании Этеокла и Полиника совсем не устраивает драматургов-классиков. Им важно расставить яркие морализаторские акценты и явить зрителю/читателю парадоксы братской ненависти.

В данной статье *три древнегреческие версии трагедий с Этеоклом и Полиником будут сопоставлены с точки зрения представлений об образовании, которые отчасти определяют линию защиты Фив. Драматургам-классикам важно продемонстрировать сложность межпоколенных связей, через которые потомки Лая продолжают передавать древнее проклятие. Поскольку часть из них решает прервать этот процесс, а другая часть – подчиниться ему, образовательное построение себя в потоке чужого жизненного опыта для каждого героя происходит особым способом. Постоянный возврат к прошлому создает некий эффект эхо: морализаторские речи родителей и детей, братьев и сестер, наставников и учеников (по должности или по*

¹ Дети Эдипа являются героями следующих древнегреческих трагедий: «Семеро против Фив» Эсхила, «Финикиянки» Еврипида, «Антигона» и «Эдип в Колоне» Софокла. В рамках данной статьи будут рассмотрены только первые три трагедии, которые обладают большей сюжетной близостью и позволяют рассматривать трагические события как результат противостояния сыновей Эдипа, Этеокла и Полиника, пытающихся утвердиться в статусе правителя Фив, наставника себе и другим.

² Honig B. Sacrifice, sorority, integrity: Antigone's conspiracy with Ismene // Antigone, interrupted. – New York: Cambridge University Press, 2013. – P. 151–189.

³ Гомер. Илиада / пер. Н. Гнедича; предисл. В. Ярхо; примеч. С. Ошерова. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 92.

сути) продолжатся друг в друге, частично повторяясь и также частично искажаясь. Герои Эсхила, Еврипида и Софокла часто погружаются в своеобразные педагогические мечты о прошлом, эхо которого в настоящем и будущем могло бы быть совершенно иным.

Этеокл и Полиник в трагедиях Эсхила, Еврипида и Софокла: наказание или наставление для города? В трагедии «Семеро против Фив» Эсхил первым из древнегреческих драматургов не просто напоминает известный читателю/зрителю мифологический сюжет, но и сразу же обозначает моральные уроки, которые следует из него извлечь. В трагедии не звучит название осажденного города – Фивы – и присутствует лишь косвенное указание на то, что это именно этот город. Эсхил называет Фивы городом Кадма – по имени его мифического основателя. Такая иносказательность имела политические причины: фиванская аристократия во время греко-персидских войн заняла проперсидскую сторону и открыто называть город своим именем Эсхил не решался. Возможно, чтобы продемонстрировать неправильность такой позиции, Эсхил начинает трагедию с призыва: «Народ кадмейский, время не велит молчать...» (Aesch. Sept. 1)¹. Зрителя, знающего истинный расклад и недоумевающего, почему так старательно осаждают город, который добровольно открыл свои ворота врагу, Эсхил дает «успокаивающую» аналогию: Фивы повторяют судьбу Афин, дважды разоренных и сожженных персами. Как бы то ни было, это греческий город, которому стоит всем сердцем посочувствовать. Подготовленный таким образом зритель уже иначе воспринимает противостояние сыновей Эдипа и злключения его дочерей.

У Эсхила Этеокл является главным персонажем. Это царь, который уходит сражаться за свой народ и кодекс его добродетели возникает из «неумолимости судьбы в сочетании с выбором человека»². Трагичность действия связана с тем, что на город нападает семь полководцев, в противовес которым мудрый Этеокл выставляет в ворота по одному защитнику – моральному антиподу нападающему: неуравновешенному капанею – спокойного силача Полифонта, кичливому Парфенопею – решительного Актора и т.д. Одним из самых опасных изображен седьмой нападающий – родной брат Этеокла Полиник, который хочет провозгласить себя новым царем. В противовес ему выступит сам Этеокл, жаждущий на деле проявить свою заботу

¹ Эсхил. Семеро против Фив // Эсхил. Трагедии /пер. С. Апта; вступ. ст. Н. Сахарного, комм. Н. Сахарного и С. Апта. – М.: Худож. лит., 1971. – С. 127.

² Willink C. The Goddess *εὐλαβία* And Pseudo-Euripides In Euripides' *Phoenissae* // Collected Papers on Greek Tragedy, 2010. – P. 209.

о городе и горожанах. Он особым образом призывает сограждан к обороне, указывая, что пришло время отдать городу долг за спокойную жизнь и полученное образование: «Земля которой ласково взрастила вас, / Заботы воспитания на себя приняв, / Чтоб в нужный час по долгу по сыновнему / Вы со щитами вышли на священный бой» (Aesch. Sept. 17–20)¹. Патриотические речи Этеокла адресованы не только к воинам-мужчинам, но и к плачущим женщинам. Хор персидских девушек в ужасе от происходящего и плачем мешает обороне города. Этеокл в сердцах произносит: «Мужское дело – оборона. С женщины / Спрос невелик: не натворила б дома бед» (Aesch. Sept. 200–201)². Слова царя получают особое звучание, если спроецировать их на его сестру Антигону, которая открыто поддерживает Полиника и начинает «спорить с городом» (Aesch. Sept. 1041)³.

Сам Полиник у Эсхила не является действующим лицом, о нем в трагедии лишь упоминают другие. Когда Этеоклу сообщают, что седьмой нападающий на Фивы это именно Полиник, Вестник характеризует его следующим образом: «Этот городу / Открыто бед желает и проклятья шлет <...> Вооруженный воин, весь из золота, / Идет вослед за женщиной, с достоинством / Его ведущей. Это Дике. Надпись же / Видна такая: “Человека этого / Верну я в город, в отчет поселю дому”» (Aesch. Sept. 632–3, 644–8)⁴. Резюмируя все это, Вестник говорит, что Полиник – враг, который не гнушается действовать таким обманным способом, т.е. «Δίκη» («обычай», «уклад», «право», «справедливость», «законность») не может его сопровождать. Этеокл взрывается после этих слов, начиная проклинать род Эдипа и напоминая, что имя Полиника обозначает «распря» и «брань» (Aesch. Sept. 658–9). Он называет брата «кичливым безумцем» и сомневается в возможности его возвращения в отчий дом, поскольку Дике просто не может охранять его «в делах» и «в помыслах». Женская линия снова проявляется в трагедии, но Дике – это совсем не одна из плачущих женщин хора и даже не его сестра Антигона, поэтому Этеокл немного растерян и не так просто находит мудрые слова для упрочнения своего статуса. Хор робко спрашивает уходящего на бой с Полиником Этеокла, точно ли он желает обогреть себя кровью брата. Царь отвечает, что все в воле богов. На это хор отвечает следующее: все это происходит из-за того, что «несхожая с богами богиня мести» не забывает о проклятии

¹ Эсхил. Семеро против Фив // Эсхил. Трагедии /пер. С. Апта; вс.ст. Н. Сахарного, комм. Н. Сахарного и С. Апта. – М.: Худож. лит., 1971. – С. 128.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 115–116.

Эдипа (Aesch. Sept. 720–1)¹. В этом ответе слышится полунамек на то, что и уповающий на богов Этеокл мог руководствоваться именно ею, а не иными богами.

Когда Вестник сообщает, что «город спасся» и братья-цари убили друг друга (Aesch. Sept. 804–5), на сцене появляются Антигона и Исмена. Сестры говорят о том, что два трупа – это два плача, т.е. разницы в оценке смертей Этеокла и Полиника быть не может (Aesch. Sept. 972–3). Глашатай же сообщает им о решении фиванских старейшин: Этеокл будет похоронен, а тело Полиника выбросят за стены города. Антигона вступает в спор с Глашатаем, а Исмена ничем не выражает свою позицию. Хор вызывается вместе с Антигоной идти вслед за телом Полиника, раз никто не хочет этого делать. Трагедия завершается тем, что одно полухорие в траурной процессии сопровождает Антигону, а другое – Исмену. При этом полухория начинают наставлять друг друга. Сопровождающие Антигону и Полиника считают, что произошедшее – это «общее горе жителей Фив. / А народ – он сегодня хвалит одно, / Завтра будет хвалить другое» (Aesch. Sept. 1070–2)². Сопровождающие Исмену и Этеокла парируют: лучше идти с теми, кого поддерживает народ и действовать по священной правде, поскольку боги не выступили на стороне захватчиков и защитили «Кадмову крепость».

Трагический круг, тем самым, замыкается: народ кадмейский, которому в начале трагедии время не велело молчать, высказался, но мнения оказались противоположными. Фивы у Эсхила предстают как сообщество граждан, понимающих, что забота города о них в прошлом должна окупиться его защитой в настоящем. Этеокл дальновиден и настолько уважаем, что достаточно лишь одного напоминания гражданам о необходимости защитить землю, которая некогда взяла на себя «заботы воспитанья». Только хор подозревает, что его патриотические порывы несколько напоминают желание любой ценой сохранить власть. Полиник хочет того же самого и, по сути, отличается от брата лишь тем, что «городу открыто бед желает». Однако поскольку он не является героем и сопоставить его речи с речами брата невозможно, остается лишь верить Эсхилу в том, что только Этеокл мучается скрытым чувством вины перед горожанами за братскую ненависть. Полученное гражданами Фив образование рассматривается драматургом как мощная сплывающая сила, которая, к сожалению, не проявляется между аристократически образованными сыновьями Эдипа. Семь защитников Фив представлены как нравственно

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 134.

превосходящие нападающих с некоторой оговоркой относительно Этеокла, не внявшего мудрому наставлению хора: «...если брата брат убьет в сражении, / Вины такой и время не сумеет смыть» (Aesch. Sept. 681–2)¹. Эсхил использует фигуры братьев, чтобы наставлять современных ему зрителей, у которых, глядя на страдания Фив, неизбежно возникали аналогии из прошлого и настоящего их родного города. «Рукотворность» этого страдания становится мощным уроком всем, кто путает справедливое возмездие с жадной мщеницей.

В трагедии Еврипида «Финикиянки» тема прошлого города также является одной из самых значимых. Хор упоминает о монстрах, которые некогда угрожали Фивам: драконе и полуженщине-полульвице Сфинксе. Убийство дракона было необходимо для основания города, а убийство Сфинкса – для его сохранения. Эти образы напоминают о потенциальной опасности укрощения дикой природы во имя города, основанного на крови и поддерживающего культ насилия в каждом поколении власть держащих.

В первом стасиме хор поет про кадма, который основал Фивы на том самом месте, где убил дракона (Eur. Phoen. 650–75). Пышная зелень земли скрывала порожденного ею зеленого змееподобного дракона, убийство которого окропило землю кровью и произвело «Кровожадное потомство»². В этом просматривается некая трагическая цикличность: насилие на этой земле будет неизбежно повторяться снова и снова, слава и страдание будут неразделимы. Пышная зелень и плодородность фиванских земель резко контрастировала со скудным ландшафтом Афин, что позволяло драматургу дальше развивать мысль о моральном контрасте этих городов. Во втором стасиме хор называет порожденных от крови дракона мужей «позором и славой отчизне» (дословно: «Θήβαις κάλλιστον ὄνειδος» – «благородный позор Фив», Eur. Phoen. 822)³ и поет про то, как величественно вставали стены города Фивы, ныне находящегося в осаде. В третьем стасиме хор переходит к описанию заключительной части фиванской легенды – триумфа Эдипа над Сфинксом, представлен как победа с оттенком горечи предвосхищения последующих за этим событий. В прологе о Сфинксе уже рассказала Иокаста, напомнив, как «Коварная душила граждан дева» (Eur. Phoen. 46)⁴, и как фиванский трон получил

¹ Там же. С. 117.

² Michelini A.N. The “Packed-Full” Drama In Late Euripides: Phoenissae // The Play of Texts and Fragments / ed. by J.C.R. Cousland and James Hume, 2009. – P.177.

³ Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. – С. 206.

⁴ Там же. С. 167.

одолевший ее Эдип. В описаниях хора снова присутствует цикличность, указывающая на близость деяний Кадма и Эдипа. Некогда умерщвленные дракон и Сфинкс продолжают приносить страдания Фивам. Хор осторожно подводит к мысли о том, что оба монстра не побеждены до конца и будут продолжать требовать новых кровавых жертв от города.

В логике Еврипида Этеокл и Полиник станут своеобразными живыми воплощениями этих некогда убитых монстров¹, угрожающих существованию города. При первом появлении на сцене Полиник проявляет животную осторожность. Он говорит, что свободно вошел в город, но с тяжелым сердцем: «Но тревоги / Я побороть не в силах... Нет ли тут / Сетей, каких – захватят и изранят...» (Eur. Phoen. 263–5)². Иокаста общается к Полинику и спрашивает, чем он питался, находясь в изгнании. Услышав в ответ, что с этим не всегда было просто, Иокаста напоминает о его благородстве по крови, которое всегда должно отличать от простых смертных (Eur. Phoen. 405). Полиник говорит, что жизнь заставляла его вести себя как дикого зверя, и именно таким он предстал перед городом, который его приютил (Eur. Phoen. 422–3). Только после этого, утверждает Полиник, он снова стал жить по-человечески. Этеокл прямо не описывает себя как зверя, но проявляет агрессивную жестокость и жаждет смерти брата. Его желание схватиться с Полиником в смертельном поединке без участия их армий несколько напоминает желание вожаков животных сойтись в бою без участия их стай. Хор подтверждает это, когда описывает сходящихся для поединка братьев: «Как звери, со злобой в душе кровожадной...» (Eur. Phoen. 1296)³. Антигона, рассказывая об этом же Эдипу, говорит фразу: «В разгаре сраженья, как львы молодые, / В пещере одною вскормленные львицей...» (Eur. Phoen. 1572–3)⁴. Диалог Этеокла и Полиника в присутствии «львицы»-Иокасты также напоминает последнюю мирную встречу двух рвущихся в бой животных, которые даже не хотят смотреть друг другу в глаза. Полиник утверждает, что его в Фивы привела совсем не обида, а желание взять свое по справедливости (Eur. Phoen. 492–93). Этеокл, напротив, считает, что только его представление о справедливом истинно. Иокаста, пытаясь примирить сыновей, намекает на то, что они оба впали в гордыню и «жажда

¹ Podlecki A.J. Some Themes in Euripides' Phoenissae // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, 1962. – Vol. 93. – P. 365.

² Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. – С. 176.

³ Там же. С. 288.

⁴ Там же. С. 239.

чести» мешает им построить светлое будущее для родного города, где могут и должны править справедливость и закон.

Еврипид почти полностью отказывается от того, что было центральным в трагедии Эсхила, у которого встреча братьев шла вслед за выбором семи защитников ворот. У Еврипида Этеокл также является одним из главных персонажей, но смысловые акценты смещаются: он уже не один из патриотичных защитников городских ворот, а хладнокровный правитель, без стеснения озвучивающий решение убить брата ради власти в городе (Eur. Phoen. 611). Схема из семи пар противоположных по качествам воинов, стоящих в семи воротах, и кульминация боя в виде поединка лидеров была архаично традиционной. Эти «семерки» не столько требовали подробного объяснения в текстах трагедий¹, сколько должны были быть упомянуты, если автор именно так хотел подчеркнуть дистанцию, разделяющую мифологическое прошлое и современное для него настоящее.

У Еврипида Креонт выступает в роли мудрого наставника для молодого и поспешного в решениях Этеокла: «Царь, семь вождей пошли к семи воротам! // Начальствовать иль предлагаешь ты / Устроить ряд кровавых поединков? // Начальствовать, и лучших избери» (Eur. Phoen. 742–5)². Этеокл соглашается и произносит слова: «Сейчас иду я в город семивратный... / Перечислять намеченных теперь / Не время, кажется, когда враги так близко (Eur. Phoen. 751–3)³. Через Этеокла, не желающего терять время на реализацию плана обороны Креонта, Еврипид утверждает свое нежелание повторять основную линию трагедии Эсхила. Еврипид разворачивает действие иначе: у него тоже семь защитников Фив, но это не военные начальники, среди которых Этеокл. Выдвину гипотетическое предположение о том, что *семь защитников города у Еврипида выбраны из восьми ключевых героев трагедии*: Эдипа, Иокасты, Креонта, Тиресия, Антигоны, Менекея, Полиника, Этеокла. Полиник по определению не может быть защитником города, на который он идет войной. Защитники принадлежат к разным поколениям, каждый из них имеет трагическую судьбу и все это оказывается связанным в единую трагедию, во многом, благодаря Креонту⁴. Именно он больше

¹ Michelini A.N. The “Packed-Full” Drama In Late Euripides: Phoenissae // The Play of Texts and Fragments / ed. by J.C.R. Cousland and James Hume, 2009. – P. 74.

² Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. – С. 203.

³ Там же.

⁴ Michelini A.N. The “Packed-Full” Drama In Late Euripides: Phoenissae // The Play of Texts and Fragments / ed. by J.C.R. Cousland and James Hume, 2009. – P. 170.

всех находится на сцене для того, чтобы обеспечить взаимодействие между всеми героями¹.

Ключительные слова Этеокла, наставленного Креонтом, полны пафоса: «Иду я за отчизну / На праведный и благородный бой... / Ты ж, из богинь богиня, Осторожность, / Храни мой дом и Фивы без меня!» (Eur. Phoen. 780–3)². Много ранее этого он уже сказал, что их битва с братом будет не у одних из семи ворот, а в поле (Eur. Phoen. 622)³. Теперь он говорит о локализации битвы несколько иное: «Но для себя я место приберег: / Я стану там, где встречу Полиника» (Eur. Phoen. 754–5)⁴.

Зритель, вслед за этим ждущий боя между братьями, будет разочарован. В трагическое действие врзается эпизод про самопожертвование сына Креонта Менекея и радостная речь Вестника о том, что Этеокл и Полиник живы. Вестник говорит, что когда армия Полиника сильно поредела в общем бою, Этеокл обратился с городской стены к нападавшим и оборонявшимся с предложением остановить кровопролитие и согласиться на бой только между ним и Полиником. Этеокл предстает как защитник города и горожан, ставя на кон только свою жизнь. Теперь его ранее сказанные слова – «Иду я за отчизну...» – звучат с четким акцентом на «я». Но в этом акценте все же слышна комбинация общественных и личных мотивов: Этеоклу важно заручиться поддержкой богов и людей, чтобы не столько сохранить город, сколько сохранить его для себя. Зрителю удастся узнать о бое и его результатах только после диалога Антигоны и Иокасты, партии хора и диалога предводителя хора с Креонтом. О том, зачем текст трагедии дважды разрезается, мы скажем чуть ниже. Сейчас сосредоточимся на том, как

¹ Исключение лишь одно: Креонт никогда не появляется на сцене вместе с Иокастой. Во многом этом связано с тем, что Иокаста и Креонт были героями с близкими целевыми установками: они пытались защитить своих детей, в то время как Антигона еще только готовилась взять на себя роль защитницы брата и отца. Иокаста появляется в начале трагедии для того, чтобы сообщить о бедах королевского дома, и далее явить «чрезмерное материнство» (Michelini A.N. The “Packed-Full” Drama In Late Euripides: Phoenissae // The Play of Texts and Fragments / ed. by J.C.R. Cousland and James Hume, 2009. – P.172) по отношению к родным детям (в т.ч. и к Эдипу) и приемному Менекею. Креонт являет «чрезмерное отцовство» (если можно так выразиться, по аналогии с термином А. Мичелини), поскольку чередует роли отца всех граждан с ролью отца только своего сына Менекея.

² Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. – С. 204.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же. С. 204.

второй вестник описывает для Креонта бой между братьями. Он говорит об искусной защите Этеокла, нанесении им смертельного удара Полинику, а затем указывает на смертельную ошибку Этеокла в обороне. Поверженный Полиник, воспользовавшись неосторожностью брата, вонзил меч «его ликующему в сердце» (Eur. Phoen. 1423)¹. Ликование Этеокла, после того как ему удалось сразить брата, в очередной раз подтверждает сложность комбинации его мотивов. Когда умирающий Полиник наносит смертельный удар брату, становится понятно, что он получил хорошее образование, действительно достойное его благородству крови. Не случайно в начале трагедии он упомянул о гимнасии, где в юности провел много времени (Eur. Phoen. 368).

Несмотря на то что Этеокл делает ставку на защиту города, а Полиник – на разрушение, оба брата хотят использовать город в своих целях. По одной из гипотез, все вставки в речи Этеокла, касающиеся стратегии разумной защиты города, создают «ошибочное впечатление, несовместимы с замыслом Еврипида и потому написаны не им»². Так или иначе, но противоречивость речей Этеокла нельзя не заметить. Мотиву самопожертвования ради города (пусть и не в роли защитника одних из семи ворот) предшествовали ничем не прикрытые эгоистические стремления любой ценой убить брата. Показательны обращения братьев к богам перед боем: Полиник просит Геру вручить ему «Кровию омытую победу» (Eur. Phoen. 1367)³, а Этеокл – Палладу о том, чтобы его копьё убило брата-предателя (Eur. Phoen. 1377). Вестник, сообщая подробности боя, произносит, что исход братского противостояния «для города счастливый и ужасный» (Eur. Phoen. 1479).

Возвращаясь к своей гипотезе о том, что семь защитников города у Еврипида выбраны из восьми ключевых героев трагедии, отмечу, что этот выбор, как и у Эсхила, имеет целью наставить зрителя. Образы света так искусно чередуются с образами тени, что вклад каждого из семи защитников Фив проявляется как осознанный нравственный выбор. Былая слава Эдипа постепенно меркнет, и его слепота рассматривается как тяжелая безнадежность, неспособность воспринимать мир «широко открытыми глазами»⁴, как это делают, например, Антигона и Менекей. Упоминания о солнце и луне, молнии и грома создает

¹ Там же. С. 233.

² Willink С. The Goddess *εὐλαβεία* And Pseudo-Euripides In Euripides' *Phoenissae* // Collected Papers on Greek Tragedy, 2010. – P. 212.

³ Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. – С. 232.

⁴ Podlecki A.J. Some Themes in Euripides' *Phoenissae* // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, 1962. – Vol. 93. – P. 357.

необходимую драматургу атмосферу контрастности мнений и решений, которая абсолютизируется в диалоге Иокасты с сыновьями. Не случайно Полиник включает в свою речь следующую фразу: «На всякий случай меч перед собой / Я протяну во мраке» (Eur. Phoen. 277–8).¹ Иокаста отвечает речью о мраке, который окутывает слепого Эдипа (Eur. Phoen. 334) и все его окружение. Еврипид дает понять, что сыновья Эдипа тоже слепы: они отказываются видеть опасность их властных притязаний для города. Иокаста пытается заставить братьев не просто посмотреть друг на друга, а посмотреть в будущее, а не в прошлое: «...вы, взорами сплетаясь, / Одно в уме держать старайтесь дело, / Что обсудить решили, а обид / И прошлых зол не сохраняйте память!» (Eur. Phoen. 462–5)². После поединка между братьями хор предваряет горестные речи Антигоны словами о тяжелой судьбе королевского дома, члены которого связаны смертью и находятся во мраке (Eur. Phoen. 1485–6).

Эдип и Креонт оказываются как нельзя ближе именно в своей слепоте. Они оба перестают «видеть» город, с которым они связаны: прошлый правитель Фив слепо посылает своих сыновей на смерть, а нынешний – ослеплен желанием любой ценой защитить от смерти своего сына. Хор высоко оценивает действия Менекея и считает его героем, обрекшим себя на гибель на благо родного города: «Граду ж фиванскому, / Семиворотному, / Славу оставишь ты...» (Eur. Phoen. 1057–9)³. Хор считает, что слава Менекея намного выше славы Эдипа в прошлом и славы Этеокла в настоящем, поскольку «победить отрадно» (Eur. Phoen. 1200)⁴, но нужно уметь это сделать достойно. Эдип получил Фивы через победу, Этеокл и Полиник слишком хотели победой увенчать фиванский престол, Креонт⁵ хотел поступиться им ради сына, и только Менекей не притязал на власть в Фивах, просто подарив городу возможность спокойной жизни с любым правителем на

¹ Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. – С. 177.

² Там же. С. 187.

³ Там же. С. 218.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Трагедию Еврипида можно рассматривать и как трагедию Креонта, который сначала страдает как брат Иокасты и отец Менекея, а затем как регент Этеокла и дядя Антигоны. Креонт не мог не понимать, что жертва Менекея оказалась краткосрочным благом для города, в котором династическая непрерывность снова оказалась под угрозой. Упрямство Антигоны вынуждает его снова и снова сопоставлять благо для города и благо для конкретной семьи, что не может не напоминать ему о смерти Менекея.

троне. Это же сделала и Антигона, добровольно удалившись вместе с Эдипом из города.

Кажется, что единственным, кто не блуждает во мраке, является прорицатель Тиресий. Сложность его отношений с Этеоклом необходима Еврипиду, вероятно, для того, чтобы особым образом расставить воспитательные акценты. Человеком, который ставит свою жизнь на кон ради спасения города, благодаря предсказанию Тиресия становится сын крестона Менекей. Поэтому все попытки Этеокла притязать на исключительную роль спасителя отечества заранее обречены¹. Этеокл, обращаясь к Креонту, говорит следующее: «Тиресия-гадателя мы спросим <...> И пусть тебе советы старец вещей / Свои подаст: меня он невлюбил, / С тех пор как раз при нем на их искусство / Я нападал»² (Eur. Phoen. 769–775). Эта речь не просто характеризует Этеокла как «просвещенного» человека действия, мало касающегося до сих пор “гадания”³; она врезается в относительную стройность призывов Этеокла к защите города с оружием в руках⁴. Вопрос о подлинности этой и некоторых частей, а, главное, заключительной части этой трагедии, является одним из самых острых⁵. Главной загадкой

¹ Желаящие сопоставить Этеокла и Менекея, должны обратиться к их генеалогии, поскольку она демонстрировала глубину связи каждого из них с городом, который они вынуждены защищать. Этеокл – сын Эдипа, некогда освободившего Фивы от чудовища женщины-львицы Сфинкса, и потомок Лая. Менекей через свою семью с главой в виде Креонта и через приемную мать Иокасту был связан с древним фиванским родом, идущим от основателя Фив кадма. Прошлое города не может быть правильно оценено без учета героизма кадма и Эдипа, а настоящее – без учета действий Менекея и Этеокла.

² Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. – С. 204.

³ Willink C. The Goddess *εὐλαβεία* and Pseudo-Euripides in Euripides' *Phoenissae* // Collected Papers on Greek Tragedy, 2010. – P. 215.

⁴ Однако нежелание Этеокла видеть Тересия могла иметь и более прозаические мотивы: согласно одному из предположений, актер, игравший Этеокла, исполнил роль и Тересия, поэтому они не могли одновременно находиться на сцене.

⁵ Одни ученые считают необходимым взять за точку отсчета то, что полный текст безвозвратно утерян и трагедия содержит много добавленных позже фрагментов (Willink C. The Goddess *εὐλαβεία* and Pseudo-Euripides in Euripides' *Phoenissae* // Collected Papers on Greek Tragedy, 2010. – PP. 202–223); другие – то, что интереснее не горевать по утраченному, а попытаться проследить изменения в этой трагедии, порожденные многочисленным переписыванием и цитированием этого популярного текста (Mastronarde D.J. The lost *Phoenissae*: an experiment in reconstruction from fragments // The Play of Texts and Fragments / ed. by J.C.R. Cousland and James Hume, 2009. – PP. 63–76); третьи – то, что нужно решительно удалить все элементы нееврипидовского

финала трагедии является желание Антигоны отправиться вслед за Эдипом в изгнание, в «новый и тягостный мрак» (Eur. Phoen. 1723)¹. Если вспомнить контекст, в котором Еврипид играет с образами света и тени, то ответ снова следует искать в героическом прошлом Фив. Сразу оговорюсь, что моя дальнейшая логика построена на частичном признании подлинности концовки трагедии: я принимаю за подлинность лишь общий контекст финала, не утверждая подлинность конкретных линий. Мрак, о котором вдруг вспоминает Антигона, снова оказывается связанным с одним из монстров из прошлого Фив. Эдип вспоминает о том, что некогда он был увенчан победой богов, а Антигона просит его оставить воспоминания о победе над Сфинксом (Eur. Phoen. 1731–5).

Как и у Эсхила, идея о кровавой победе в прошлом, которая приносит новые и новые жертвы в настоящем, совершает у Еврипида полный круг. Уходящие в изгнание Эдип и Антигона отдаляют Фивы от их основателя кажда и кровожадных потомков первых горожан, которые возникли по его воле. *Каждый из семи защитников Фив реализует свою стратегию защиты города, не апеллируя напрямую к долгу граждан оборонять город в благодарность за некогда полученное образование. Эдип, Иокаста, Креонт, Тиресий, Антигона, Менекей и Этеокла сами хотят вернуть городу этот долг.* Речи Этеокла демонстрируют его выбор в пользу агрессивной тактики, а речи Креонта обнаруживают в нем сторонника стратегии мягкой защиты города. Антигона и Эдип выбирают уход из города, а Менекей жертвует ради него жизнью. Иокаста и Тиресий стараются уменьшить ущерб, который городу наносит противостояние братьев. *Семь защитников хотят доказать себе и окружающим, что гарантом их мудрости является образование, и только Полиник прямо говорит, что его образование – гарант его силы.* Сложность отношений в семье Эдипа определяет сложность семейной педагогики, где старший наставляет младшего в правильности той или иной поведенческой стратегии, которая часто оказывается не такой уж правильной.

В трагедии Софокла «Антигона» описаны события, происходящие после смерти братьев. Этеокл и Полиник уже не могут высказаться относительно моральной стороны их противостояния, поэтому это активно делают другие герои. В прологе Антигона рассказывает Исмене, что беда грозит одному из их братьев, имея в виду убитого Полини-

текста и изучать только оставшийся текст (Kitto H.D.F. The Final Scenes of the Phoenissae // The Classical Review, 1939. – Vol. 53. – No 3. – Pp. 104–111).

¹ Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. – С. 248.

ка. Имена сразу же занимает нейтральную позицию, сообщая о снятии осады с города и отсутствии какого-либо интереса с ее стороны даже к этому радостному для всех событию. Антигона сообщает ей, что Креонт отнял «честь» у Полиника, поскольку только тело Этеокла «в землю по обряду сокрыл» (Soph. Ant. 23–4)¹. Старшая сестра считает, что младшей не только нельзя устраняться в подобной ситуации, но и нужно использовать ее, чтобы доказать «благородна» она или «низка душой».

Когда Креонт сообщает хору о своем решении относительно захоронения тел братьев, он расставляет те же самые акценты благородства и неблагородства. По мнению Креонта, Этеокл пал в бою за город, а потому над ним нужно совершить похоронный обряд, «достойный благородных» (Soph. Ant. 204); Полиник же хотел сжечь город, «братскою упиться кровью и граждан всех рабами увести» (Soph. Ant. 208–9), и его тело будет оставлено без погребения «в знак позора» (Soph. Ant. 213)². Креонт не поясняет, почему именно этот перечень злодеяний якобы хотел совершить Полиник по отношению к Фивам. Как и не поясняет, почему так бесспорно благородны мотивы Этеокла, приведшего город к тягостной осаде и убившего своего брата. В конце речи Креонт заявляет, что злодеи не будут почитаться им как справедливые, а преданные городу (живые или мертвые) будут в почете. По умолчанию, к первым будут отнесены все, похожие на Полиника, а ко вторым – на Этеокла.

Хор сначала открыто поддерживает Креонта и отвечает, что только в его воле решать, «Кто граду друг, кто недруг» (Soph. Ant. 219)³, и распространять это решение на живых и мертвых. Несколько раньше хор уже высказал свою позицию в ответ на диалог Антигоны и Исмены, напомнив, как семь полководцев сошлись в семи воротах Фив с семью нападающими, и только поддержка богов позволила фиванцам одержать победу. Не называя имена Этеокла и Полиника, хор сообщает, что только двое из этих военных командиров по воле судьбы убили друг друга (Soph. Ant. 144–50). Выдвину еще одно гипотетическое предположение о том, что у Софокла Фивы защищают пять ключевых героев трагедии (Креонт, Тиресий, Антигона, Имена и Гемон), к которым добавлен хор и погибший Этеокл. Осада уже снята, поэтому и стратегия защиты города у оставшихся в живых иная: им важно не остановить кровопролитие, а не допустить нового.

¹ Софокл. Антигона / пер. С. Шервинского, Н. Позднякова // Софокл. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 176.

² Там же. С. 182.

³ Там же.

События разворачиваются так, что победителей у Софокла нет; все защитники Фив проигрывают, так и не будучи услышанными друг другом.

Обращаясь к недавнему прошлому, хор называет причиной всех бед не Эдипа и его родовое проклятие, а Полиника. Именно он привел к воротам города жаждущее крови войско, которое Зевс покарал за гордыню (Soph. Ant. 127–132). Горожане у Софокла здесь разделяют слова Этеокла, высказанные в трагедии Эсхила – «Благовольенья Дике Полиник не знал...» (Eur. Phoen. 667)¹ – поскольку гордыня и справедливость находятся на противоположных полюсах героического канона. Антигона, напротив, считает, что гражданам нужно быть не столь радикальными в суждениях и проявить милосердие к павшему Полинику. В одной из речей она даже заявляет о моральной слепоте горожан, согласившихся с решением Креонта и осудивших ее за попытку похоронить брата: «Хотя в глазах разумного поступок / Мой праведен...» (Soph. Ant. 921–22)². Хор у Софокла разительно отличается от хора Эсхила и Еврипида. С самого начала становится понятно, что фиванские старейшины в конце трагедии не последуют за Антигоной с телом Полиника и Исменой с телом Этеокла. Антигоне удастся убедить Исмену в равной виновности братьев в конфликте, приведшем к их гибели. Та на время забывает о своей нейтральной оценке братоубийственной дуэли: «И оба наших брата злополучных, / кровь братскую пролив своей рукой, / Друг друга одновременно убили» (Soph. Ant. 54–6)³. Хор тоже отчасти признает это, но из страха продолжает поддерживать Креонта.

Когда Креонту в первый раз сообщают о попытке похоронить Полиника, он разгневан не только этой новостью, но и промедлением Стража, не желавшего сразу рассказать ему о случившемся. Масла в огонь подливает хор, усмотревший в этом странном происшествии промысел богов. Креонт вспыливает и заявляет: боги не могут заботиться о том, кто «шел сюда затем, чтоб выжечь храмы... Казну их ... и законы разорить» (Soph. Ant. 292, 294)⁴. Имя злодея не называется, но список злодеяний Полиника с легкой руки Креонта ширится. После этого хор поет о том, что человек есть самое чудесное существо на земле: с одной стороны, он может почти все (плыть по морю,

¹ Эсхил. Семеро против Фив // Эсхил. Трагедии / пер. С. Апта; вс.ст. Н. Сахарного, комм. Н. Сахарного и С. Апта. – М.: Худож. лит., 1971. – С. 116.

² Софокл. Антигона / пер. С. Шервинского, Н. Позднякова // Софокл. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 210.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 185.

сражаясь с ветром; ловить рыбу, плетя прочные сети; укрощать животных, преследуя свои цели) и достаточно мудр для очень непростой жизни, а с другой – он не может даже такой малости, как перестать метаться между склонностью к благим или позорным деяниям. Хор предполагает, что попытку похоронить Полиника совершила Антигона, но решает умолчать об этом.

О второй попытке сделать это Страж сообщает Креонту, уже схватив Антигону. Рассказ Стража о том, как это происходило, снова не может не разозлить Креонта. Страж говорит о смешанных чувствах радости и горя, возникших у него при виде все признавшей Антигоны. Второй раз Креонт слышит о том, что простые горожане не так однозначны в оценке его решения не хоронить Полиника, как фиванские старейшины из хора. Антигона в диалоге с Креонтом только усиливает его страхи: она говорит, что и хор не возражает против захоронения Полиника, но страх мешает ему высказаться (Soph. Ant. 514). Креонт начинает терять власть над согражданами, и его гнев обрушивается на Антигону. Он пытается вырвать у нее ответ, почему она почитает одного брата, а не другого, если первый «опустошитель Фив», а второй «защитник» (Soph. Ant. 523). Антигона заявляет, что после смерти уже не действуют земные законы, косвенно указывая на невозможность оправдать Полиника и нежелание восхвалять Этеокла. Долго молчавший хор наконец решает высказаться. Напомнив о страданиях царского дома, старейшины делают вывод о существовании всесильного закона, которому подчиняется и прошлое, и будущее (Soph. Ant. 621–24). Это закон невозможности для человека жить безмятежно, подразумевая под этим отсутствие вразумляющих страданий, посланных богами (Soph. Ant. 634–37).

Как и у Еврипида, у Софокла присутствует молодой герой, жертвующей жизнью ради города и контрастирующий с сыновьями Эдипа. Этим героем является сын Креонта – Гемон, который, на первый взгляд, соглашается с решением отца о незахоронении Полиника и наказании Антигоны за непослушание. Гемон говорит, что для него важнее всего отец, поскольку именно он является его мудрым наставником (Soph. Ant. 649–50). Креонт очень рад этому: самый близкий человек признает его власть как отца и правителя. В благодарность Креонт произносит речь, где подчеркивает: самой большой радостью для человека является радость от результата воспитания своего сына. Послушность Гемона и его способность поддерживать отца в решениях относительно того, кто друг, а кто враг, кажутся Креонту лучшими из качеств. Креонт у Софокла абсолютизирует мысль, проходящую через многие диалоги Платона: «...кто в делах домашних беспристрас-

тен, / И как правитель будет справедлив» (Soph. Ant. 673-74)¹. Гордость, как заявляет Креонт, побуждает нарушать закон и попирать власть, а в результате ведет к разрушению городов. Вероятно, он намекает на Полиника и Антигону, не беря во внимание гордость и жажду власти Этеокла. Гемон с уважением слушает Креонта, но в его ответе сквозит сомнение в правильности высказанных утверждений. Сын, в отличие от отца, не берет на себя смелость утверждать, что является справедливым, а что нет. Он лишь констатирует: город из страха соглашается с Креонтом, жалея Антигону, а в ее лице и погибшего Полиника. Гемон без излишней эмоциональности решает повторить Креонту слова Антигоны о необходимости предать тело Полиника земле. Сын пробует осторожно пояснить отцу, что гордыня, в которой он так рьяно уличает других, присуща и самому царю.

В конце речи Гемон возвращается к тому, с чего они начали: мудрое отцовское воспитание бесценно, но не стоит сбрасывать со счетов и потенциал самого воспитуемого. Гемон говорит: «...когда с рожденья / Муж полон знания, если ж нет, – что часто / Случается, – пусть слушает разумных» (Soph. Ant. 733–35)². Креонт не только отказывается слушать молодого и разумного, но и фиванских старейшин хора. Он задает вопрос: чему он может научиться у сына? И получает ответ – «справедливости». Гемон, ни разу не называя Полиника, выражает мнение большинства горожан относительно его похорон: «Я почитать дурных не предлагаю...» (Soph. Ant. 743)³. «Почитать» и «похоронить» для Гемона, как и для Антигоны, это два разных деяния. Диалог Креонта и Гемона, начавшийся с похвал отцовскому воспитанию и сыновьей покорности, заканчивается ссорой. Гемон называет отца несправедливым и недальновидным правителем, а Креонт, в свою очередь, обвиняет сына в неуважении и подкаблучничестве. Отец обещает, что сын раскается в этих «безумных поучениях», а сын – что больше не допустит безумных отцовских решений. Мудрость молодого Гемона была бы совсем не похожа на юношескую пылкость Менекея, если бы первый не был влюблен. Антигона и Гемон, как и Менекей, защищают свой родной город ценою собственных жизней и делают это так, как будто иных способов не существует.

После того как выносятся смертный приговор для Антигоны, на сцене появляется прорицатель Тиресий. Он говорит Креонту, что видел в небе рвущих друг друга птиц и расценил это как знак: боги отвернулись от города, потому что тело Полиника не предано земле.

¹ Там же. С. 200.

² Там же. С. 202.

³ Там же.

Город страдает страшной болезнью из-за того, что фиванский царь не уважает смерть и терзает погибшего. Тиресий повторяет слова Гемона о том, что Креонту «полезно у доброго советника учиться» (Soph. Ant. 1042–43)¹. Царь продолжает упорствовать, вынуждая Тиресия прямо сказать о его нездоровье, подразумевая под этим глупое упрямство. Когда Тиресий уходит, переубедить Креонта удастся хору. Он решает освободить Антигону, еще не зная, что она уже мертва, а Гемон готовится совершить самоубийство. Сообщивший об этом Вестник, рассказывает, что тело Полиника наконец-то предано земле в присутствии Креонта. Последней из смертей становится самоубийство жены Креонта, узнавшей о смерти сына и молча удалившейся с этим знанием во дворец. Фиванский царь остается один на один со своим горем, которое не облегчает, а отягощает хор, поющий о его гордости и глупости. Показательно, что только в самом конце трагедии хор решается высказать то, что уже так давно пытался сказать.

Герои Софокла постоянно оценивают действие/бездействие на благо/во вред городу и сказанное/несказанное другими героями об этом. По мере разворачивания событий Антигона все больше становится похожей на Полиника, открыто заявляя о своих желаниях, а Исмена – на Этеокла, скрыто пытаясь их реализовать. М. Викерс, например, считает, что Креонт часто являет свою позицию «молчаливым угрожающим присутствием»². Его рассуждения о трудности познать душу человека, его намерения и мысли до тех пор, пока он не покажет себя во власти, переходят в утверждение относительно самого себя: «Молчать не стану, видя, что опасность / Фиванцев ждет, что им грозит гибель» (Soph. Ant. 192–93)³. В оригинале в речи Креонта молчание («σιωπήσας») правителя предстает как антипод безопасности («σωτηρία») граждан. Бездействие приравнивается им к молчанию и также рассматривается как скрытая угроза. Героям Софокла иногда важнее высказаться (пусть и ошибочно) и осуществить действие (пусть и неправильное), чем промолчать и остаться безучастным. Когда в конце трагедии Креонт признает свою неправоту и жестокость, он делает это в выражениях, этимологически связанных с пространством вне города: «защитник города Креонт ведет себя как тот, кто живет в диком пространстве за его

¹ Там же. С. 214.

² Vickers M. *Antigone, Pericles and Alcibiades // Sophocles and Alcibiades: Athenian Politics in Ancient Greek Literature*, Taylor and Francis, 2008. – P. 21.

³ Софокл. Антигона / пер. С. Шервинского, Н. Позднякова // Софокл. Трагедии. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 182.

пределами»¹. В том самом пространстве, куда было оставлено тело Полиника и куда царь вынужденно выходит, чтобы под напором горожан похоронить это тело.

Трагический круг замыкается именно тогда, когда Креонт выходит за пределы города – туда, где произошла братоубийственная дуэль. Две смерти в прошлом оказываются связанными с двумя смертями в настоящем. У Софокла глубина обращения к прошлому меньше, чем у Эсхила и Еврипида. Кровавая победа Эдипа оказывается отнесенной кровавой ничьей его сыновей, и именно их деяния вызывают болезнь города. *Пять оставшихся в живых защитников Фив под пристальным хором пытаются высказаться относительно правильности воспитания в парах отец-сын и правитель-гражданин.* Оперировав современными формулировками, специфика взаимоотношений между героями Софокла определена непростым перераспределением права на высказывание: они обсуждают сказанное одними «за» или «против» других, устанавливают иерархии говорящих и молчащих, пытаются расширять или ограничивать доступ одних к высказыванию от лица других и т.д. *Мудрость рассматривается как необходимая основа порядка в городе, который несколько похож на большую школу, где не только старший наставляет младшего, но и младший может наставлять старшего.*

Город братской ненависти: педагогика прошлого в настоящем и будущего в прошлом. Трагедии Эсхила, Еврипида и Софокла об Этеокле и Полинике предлагают читателю три стратегии защиты Фив, подкрепленные разными представлениями о мудрости, справедливости и благородстве. Этот перечень герои используют как основу для оценки системы властных отношений в городе, где правитель является также главой одной из самых необычных семей. Семейная педагогика Эдипа и Креонта становится своеобразной сетью, заброшенной на весь город, который то старается разобраться в ней, то сбросить и разорвать. В каждой трагедии присутствует скрытая оценка роли и миссии образования в жизни человека, столкнувшегося с необходимостью защищать родной город в статусе правителя или простого гражданина. Оказавшиеся в тупике в настоящем, герои часто погружаются в своеобразные педагогические мечты о прошлом, каждый раз выстраивая все новые и новые линии перехода от «благородного позора» Фив времен кадма к спорному благородству сыновей Эдипа в подконтрольных им Фивах.

¹ Hammond P. Sophocles. Antigone // The Strangeness of Tragedy, OUP Oxford, 2009. – P. 103.